

Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна, но зато в ней слышится, и в словах, и в голосе, что-то чрезвычайно хорошее. Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь. Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, которая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. Получается беспорядочное, нескладное поурри из старых, но еще недопетых песен.

А.П. Чехов «Палата №6».

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОКТОРА БАРРОУ
или
несколько замечаний к психоаналитической теории неврозов

**Доклад Т. Левина на теоретическом семинаре
по групповому анализу в Хмельницком,
октябрь 2018 г.**

В начале сентября 1909 года на Манхэттене было все еще полетнему жарко. Над раскаленной брусчаткой широких авеню дрожало знойное марево. Бриз, приходивший з Гудзона, разбегался мелкими сквозняками по узким проходам поперечных улиц и не столько приносил прохладу, сколько насыщал влагой и без того душный воздух. В городе, зажатом на узкой полоске суши между рекой и проливом Атлантического океана, казалось, шла непрерывная стройка. Рабочие всех национальностей и цветов кожи сновали в облаках строительной пыли, обливались потом и пытались сделать еще плотнее и без того тесный частокол зданий, как будто соревнуясь между собой в том, чье строение окажется выше. Там, где пространство не было занято строительством, царила не менее шумная толчея из торгового, делового и празднующегося люда. Стук конных экипажей, выкрики извозчиков и мелких лавочников, звон трамваев и голоса прохожих, говорящих на всех мыслимых языках и наречиях,

создавали нестройный гул, который время от времени тонул в грохоте поездов, проходивших по надземным эстакадам.

На открытой площадке 3-его яруса Руф Гарденс Хаммерстайна, занимавших в то время крышу театра Виктория, что на углу 7-й авеню и 42-й улицы, приличная публика искала спасения от уличной жары и шума. Здесь было немного тише и прохладнее, чем на улицах города, но тоже довольнолюдно. Посетителями заведения были в основном коренные жители Нью-Йорка – по крайней мере, так они сами о себе полагали, хотя вряд ли каждый десятый из них мог похвастать местной родословной древнее одного-двух поколений. Исключение составляли трое господ, занимавших дальний столик кафе с видом на пруд, разбитый на крыше соседнего здания. Господа говорили между собой по-немецки, что, впрочем, мало кого удивляло в этих краях в начале XX столетия, но их одежда и манера держаться обращали на себя внимание, определенно выдавая в них приезжих европейцев. Старшему из них было чуть за пятьдесят. Это был представительный мужчина выше среднего роста с едва тронутыми сединами густыми черными волосами, аккуратно подстриженной бородкой и настороженно-испытующим взглядом темных глаз. Двое других были моложе, лет до сорока. К своему представительному спутнику они почтительно обращались «герр профессор». Один из них, подвижный молодой человек с забавно сплюснутым сверху вниз лицом, которое украшал внушительных размеров нос и еще более внушительных размеров лоб с обширными залысинами, оживленно жестикулируя делился впечатлениями о недавно просмотренном кинофильме. При этом он успевал со вкусом уплетать с тарелки ростбиф и вертеться по сторонам, разглядывая окружающих и поминутно поправляя пенсне, которое постоянно норовило свалиться с его примечательного носа. Господа побывали в кинематографе впервые в жизни, но каждый из них составил об увиденном отличное мнение. Третий из сидевших за столом, высокий статный мужчина с правильными чертами лица, в ответ на восторженные излияния своего соседа довольно сухо заметил: «Право, Шандор, я не могу разделить вашего энтузиазма. Это несомненное чудо техники, но, если вдуматься – то, что мы видели, не более чем

водевиль самого низкого пошиба». Пожилой господин рассеянно поддакнул: «Я мало что понял. Они там все время гонялись друг за другом и зачем-то стреляли».

Герр профессор говорил мало, почти ничего не ел и, очевидно, неважно себя чувствовал. С того самого времени, как несколько дней тому назад он сошел с парохода «Джордж Вашингтон» в нью-йоркском порту, его беспокоило несварение желудка и кишечные колики. Причину своего нездоровья герр профессор относил на счет американской кухни, хотя нельзя исключить, что в этом отношении он был небеспристрастен. Все американское вызывало в нем неизменное раздражение, и перспектива провести в этой стране последующие три недели поддерживала его в постоянно скверном расположении духа. Раздражало все вокруг – развязные манеры посетителей кафе и их громкая речь, которую чудовищный американский выговор превращал в невразумительный для профессорского слуха галдеж; раздражали резкие, рваные звуки рэгтайма, которые извлекал из своего фортепиано чернокожий музыкант, нещадно ударяя по клавишам; раздражал густой сладковатый запах герани – поднимаясь с нижних ярусов Руф Гарденс он смешивался с запахом бензиновой гари, которую испускали стоявшие у входа в театр крикливо красные таксомоторы, что создавало совершенно нестерпимый для тонкого профессорского чутья аромат. Но, главным, образом, раздражение вызывал следующий ход мыслей, которые текли в голове у профессора: «Подумать только, так много лет бороться за признание своих идей среди всеобщего осмеяния и несправедливых нападков и, наконец, найти его, но где! Что могут понять в психоанализе эти люди, которые регулярно посещают синематограф и разговаривают так, что едва ли сами друг друга понимают?! Вне всякого сомнения, судьба обладает самым нездоровым чувством юмора!»

Эти размышления профессора были прерваны одним из его компаньонов, статным красавцем, который привстал со стула и призывно замахал рукой, выкрикивая в толпу прогуливающих по променаду напротив кафе: «Мы здесь, доктор Брилл, пожалуйста сюда!» Из толпы вынырнул, обернувшись на этот оклик, молодой американец, который, завидев троих наших господ, приветливо

заулыбался и стал протискиваться в их сторону, маневрируя между гуляющими и жестами приглашая следовать за собой двух мужчин, которые его сопровождали. Когда они приблизились, доктор Брилл раскланялся с сидевшими за столиком и, указывая на своих спутников, заговорил на чистом немецком языке со швейцарским акцентом, что поразительно не соответствовало его совершенно американскому внешнему виду: «Господа, познакомьтесь с нашими коллегами из нью-йоркского психиатрического института, ревностными приверженцами идей психоанализа – это доктор Адольф Мейер и доктор Трайгент Барроу. Друзья, позвольте вам представить самого маэстро, профессора Зигмунда Фрейда, а также его коллег – доктора Карла Юнга из Цюриха и доктора Шандора Ференци из Будапешта».

Приблизительно так состоялась эта историческая встреча, хотя, быть может, и совсем не так, поскольку странным образом в истории не сохранилось о ней практически никакого упоминания. Сама встреча, как и последовавшая за ней непродолжительная беседа, оказала совершенно различное по своей силе влияние на ее участников. Патриарх психоанализа, герр профессор Фрейд продолжил свое путешествие по Соединенным Штатам, увенчавшееся знаменитым циклом из пяти лекций, которые он прочел в университете Кларка в Вустере. «Ревностный приверженец идей психоанализа» Адольф Мейер вскоре после того охладел и к психоанализу, и к самому Фрейду, зато сумел снискать себе славу родоначальника американской психиатрии. Переломным моментом в судьбе эта встреча стала для одного лишь доктора Барроу, который по праву мог бы заслужить в научных кругах титул патриарха и родоначальника, хотя он никогда не стремился к такому признанию, был совершенно обойден им при жизни, да и многие десятилетия после смерти продолжал оставаться безвестным.

Задолго до того, как подойдет к концу сентябрь того самого 1909 года, Барроу оставит свою психиатрическую практику, продаст отцовское наследство и переедет с женой и двумя детьми в Швейцарию для того, чтобы в течение года слушать курс психоаналитической теории и ежедневно проходить личный анализ у Юнга. Затем он вернется в свой родной Балтимор, чтобы

стать деятельным апологетом идей Зигмунда Фрейда в США. На протяжении восьми последующих лет Барроу будет активно практиковать психоанализ в клинике Фиппса, учредит в 1911 году вместе с еще восемью энтузиастами Американскую психоаналитическую ассоциацию, которую позднее и возглавит, напишет 7 книг и более 70 статей, будет выступать с докладами на конференциях Международного психоаналитического общества, вести обширную переписку с известными философами, писателями, антропологами, социологами, неврологами и, конечно, психоаналитиками, среди которых в число корреспондентов Барроу войдут сам Фрейд, а также Эйтингон, Радо, Федерн, Джонс и многие другие.

События будут развиваться для Барроу самым благоприятным образом вплоть до 1918 года, когда в его публикациях и выступлениях наступит неожиданная пауза, которая продлится без малого шесть лет. В 1924 году он вернется на широкую психоаналитическую арену со своими новыми идеями, плодами долгой, напряженной экспериментальной работы. Хотя в своих высказываниях Барроу будет всячески подчеркивать безмерное уважение к гению Фрейда и утверждать, что его собственные идеи не более, чем важное дополнение и развитие фрейдовской мысли, герр профессор даст настолько жесткий отпор своему убежденному почитателю и последователю, что уже через несколько лет Барроу будет исключен не только из МПО, но и из АПА, несмотря на то, что сам же некогда был ее учредителем и президентом. Затем последует отказ в размещении публикаций в Международном журнале психоанализа, журнале «Имаго» и «Internationale Zeitschrift für Psycanalyse». В дальнейшем имя Трайгента Барроу станет табу, его окружит заговор молчания. Он никак не будет упомянут ни в «Стандартном издании» Стрейчи, ни в исторических трудах по психоанализу Джонса, Радена и Гротьяна. Пройдет 30, 40, 50 лет и то, о чем Барроу писал в еще в 20-х годах, будет открыто заново. Одна часть его идей получит новое рождение среди сторонников реляционного подхода в психоанализе, таких как Балинт, Фейрберн, Винникот, Гантрип, другая часть найдет отражение в концепции протоментальной системы Биона, теории сепарации-индивидуации Малер,

современных представлениях о значении контрпереноса Хайманн, третья будет подхвачена неофрейдистами Хорни и Фроммом. Наконец, в трудах тех авторов, которые будут применять психоаналитический подход в групповом сеттинге, как, например, Фукс и Шильдер, концепции Барроу окажутся воспроизведены в такой почти дословной полноте, что в этом случае можно говорить скорее не о втором рождении, а о прямом заимствовании, правда, без какого-либо указания на первоисточник. Потребуется обширная работа в архивах университетов разных стран, целое детективное расследование, которое в конце 90-х – начале 2000-х предпримут итальянские аналитики Эди Гатти Пертегато и Джорджио Орхе Пертегато с тем, чтобы разыскать оригинальные труды Трайгента Барроу, явить их миру и вернуть автору место великого исследователя и мыслителя, которое было у него незаслуженно отнято.

Но все эти события были еще далеко впереди, а пока 34-летний доктор Барроу скромно стоял в сторонке у столика в кафе на открытой площадке Руф Гарденс Хаммерстайна, за которым собрались ученые светила. Говорили в основном Юнг, Мейер и Ференци. Они обсуждали первый психоаналитический конгресс, который накануне прошел в Зальцбурге и планы Юнга по организации следующего конгресса, который был намечен на весну будущего года в Нюрнберге. Доктор Барроу мало принимал участия в разговоре. Он был единственным из присутствующих, кто не мог себя причислить к категории светил науки. К тому же, хотя Барроу неплохо владел немецким, говорить в присутствии пяти человек, для которых этот язык был родным, он немного стеснялся. Доктор Фрейд также по большей части молчал, хотя и по другим причинам. Профессор был по-прежнему рассеян, его одолевали досадные мысли. Слушая уверенную речь Юнга и рассуждения Ференци о «психоаналитической элите», которая должна была, по его мнению, иметь приоритет во всем, что касается дальнейшего развития теории, Фрейд вдруг вспомнил неприятный инцидент, случившийся с ним во время путешествия в Нью-Йорк через Атлантику.

Чтобы как-то скоротать время своего 10-дневного пребывания на пароходе, Фрейд, Юнг и Ференци решили ассоциировать и

анализировать друг друга по очереди, причем делать это втроем, чего ранее никогда не предпринимали. Ференци тогда же сострил, придумав для этого занятия забавное название – «групповой анализ». Поначалу все было довольно занимательно, но, через некоторое время профессору показалось, что эти два его ученика, увлеченно взявшись толковать его, Фрейда, сновидение, понесли такую совершенную околесицу, которая не лезла уже ни в какие ворота. Фрейд попытался было вразумить этих молодых людей, которых искренне, по-отечески нежно любил, и указать им на неправильный ход мысли, но это только больше распалило их аналитический энтузиазм. Тогда их пришлось пресечь, и довольно резко. Оба смущенно умолкли, хотя весь вид их выдавал не столько признание своей неправоты, сколько подчинение авторитету. Фрейд почувствовал, как к горлу подступает раздражение, а вместе с ним прилив головокружения и дурноты.

В следующий момент профессор очнулся от ощущения холодных брызг на лице. Он лежал на кушетке в своей каюте, над ним склонялось приплюснутое, носатое лицо. Сквозь покосившееся пенсне на Фрейда смотрели встревоженные, широко раскрытые глаза Ференци. Его щеки были нелепо раздуты, с губ стекала вода. Ференци стоял перед Фрейдом на коленях, одну руку держа у него на пульсе, а в другой сжимая стакан, и, по-видимому, собирался брызнуть еще раз. Юнг с побледневшим лицом стоял подле, возвышаясь над кушеткой и растерянно теребя в руках галстук Фрейда. Профессор машинально прикоснулся к шее и, вместо ткани воротника, который оказался широко расстегнутым, нащупал рукой свою голую липкую кожу. Еще не вполне придя в себя и путаясь в мыслях, Фрейд тогда воскликнул: «Ах, оставьте, Френкель, это совершенно излишне!» - одной рукой оттолкнул предложенный ему Ференци стакан, а другой выхватил из рук Юнга свой галстук.

Это воспоминание, настигшее доктора Фрейда во время беседы в кафе на 3-ем ярусе Руф Гарденс, заставило его брезгливо поморщиться. «То же мне, выдумки – групповой анализ! Черт знает, что такое!» - подумал тогда Фрейд, не подозревая, что молодой психиатр, которого ему только что представили, и который стоял напротив с необычной для американца

скромностью, спустя несколько лет займется всерьез этим самым «черт знает чем» и доставит немало хлопот своими «выдумками» уважаемому герр профессору.

Что же это были за идеи, которые вызвали настолько массивную реакцию со стороны психоаналитического истеблишмента, что их автор оказался не только изгнан из круга посвященных, но и само имя его и плоды его обширных трудов были начисто вычеркнуты из истории? Разногласия доктора Фрейда с его учениками и последователями, приводившие порой к болезненным разрывам и «отлучению еретиков» были нередки на ранних этапах становления психоаналитической теории. Эта участь постигнет почти всех, кто сидел за столиком в Руф Гарденс в тот сентябрьский день 1909 года. С Бриллом у Фрейда возникнут серьезные разногласия в связи с некорректным переводом трудов последнего на английский язык и путаницей в издательских правах. Отношение Фрейда к Ференци резко охладает из-за полного неприятия со стороны маэстро экспериментов своего бывшего любимца с сеттингом и психоаналитической техникой. Отступничество Юнга от положений психоаналитической теории, которые Фрейд считал центральными, будет расценено им как предательство и приведет к полному прекращению отношений. Тем не менее, имена Юнга, Ференци и Брилла, так же как имена Адлера, Штекеля, Ранка и других, кому было отказано в праве называть себя психоаналитиками, сохранились в истории, а равно и их научное наследие. Быть может, Трайгент Барроу попросту не написал и не сделал ничего такого, что заслуживало бы внимания потомков? Как же тогда объяснить следующие высказывания, которые периодически появлялись в психоаналитической литературе на протяжении последующих ста лет, не отменяя, правда, общей тенденции к игнорированию и молчанию?

«Как можно понять такие факты истории: Барроу уволен с университетской должности, исключен из АПА, на его имя в буквальном смысле слова наложено табу? Барроу,

*самоотверженный исследователь человеческого поведения, предан научному изгнанию!» (Акерман, 1964)**

«В истории психотерапии мало внимания уделяется Барроу – великому и оригинальному мыслителю раннего периода психоанализа, имя которого странным образом исключено из обзоров современной психотерапии». (Муллен и Розенбаум, 1971)

«Барроу был высоко оценен выдающимися лицами вне мира психотерапии, которые усматривали в его пророческом видении будущее социума... Его непризнание остается загадкой, учитывая то влияние, которое он оказал на ряд психотерапевтических школ, включая те, что были основаны Гарри Сток Салливаном, Карен Хорни и Ирвином Яломом». (Бер, 2004)

Ответы на эти вопросы можно найти в трудах самого Барроу, которые теперь доступны широкой аудитории благодаря стараниям итальянских исследователей. Чтение работ Барроу производит необычное впечатление. Тексту его статей подходит характеристика, данная Чеховым речи одного из персонажей «Палаты №6», Ивану Дмитриевичу Громову, которую я использовал в качестве эпиграфа к своему докладу. Язык Барроу порой громоздок и тяжеловесен. Он движется от страницы к странице подобно Демосфену, который идет по берегу моря, пытаясь декламировать с набитым камнями ртом. Но вдруг наступает момент – камни извергнуты вон и на простор изливается, перекрывая шум волн и ветра, ничем не сдерживаемая обличительная филиппика во всей своей нравственной силе и благородстве мысли. Едва ли представляется возможным изложить хоть сколько-нибудь полно идеи Барроу в этом сжатом сообщении. Я попробую передать те из них, что мне кажутся наиболее важными, сообщив вначале краткую предысторию их появления.

Все началось с того, что в 1918 году на прием к уже довольно известному на то время американскому психоаналитику Трайгенту

* Здесь и далее цитировано в переводе Т. Левина по "From psychoanalysis to group Analysis. The pioneering work of Trigant Burrow". Edited and with introductory essay by Edi Gatti Pertegato and Giorgio Orghe Pertegato. 2013.

Барроу пришел новый пациент по имени Кларенс Шилдс. В процессе психоаналитического лечения Шилдс обнаружил недюжинные интеллектуальные способности, которые он сосредоточил на том, чтобы отыскивать несоответствия между положениями психоаналитической теории, в которой Шилдс оказался прекрасно осведомлен, и интерпретациями своего психоаналитика. Кроме того, он указывал доктору, что его мнения относительно невроза Шилдса зачастую предвзяты, однобоки и авторитарны, что причина этого заключается ни в чем ином, как в собственном неврозе доктора Барроу. Поначалу доктор Барроу реагировал на эти нападки тем, что мысленно поправлял у себя на голове психоаналитическую корону и интерпретировал высказывания Шилдса как манифестацию бессознательного сопротивления. Но, поскольку ни психоаналитической, ни какой бы то ни было другой короны доктор Барроу на себе не обнаружил, а доводы Шилдса звучали довольно последовательно и убедительно, он отважился на поступок, совершенно крамольный для психоаналитической практики, а именно – предложил Шилдсу на время поменяться местами. Теперь Шилдс занял место психоаналитика, а Барроу улегся на кушетку, предоставляя своему пациенту карт-бланш на разбор предполагаемого невроза его доктора, который якобы делал этого доктора таким предвзятым. В процессе разбора Барроу к своему неудовольствию обнаружил, что его невроз оказался не выдумкой Шилдса, одолеваемого бессознательным сопротивлением, а самой что ни на есть реальностью. С другой стороны, Барроу на себе испытал авторитарный характер психоаналитической процедуры, поскольку интерпретации Шилдса оказались не менее предвзяты и однобоки, чем его собственные. Процедура зашла в тупик – возврат к абсолютистской позиции психоаналитика в свете полученных данных был невозможен, простая перемена ролей, хотя и бросала свет на некоторые слепые пятна, обусловленные «личными уравнениями» участников аналитической ситуации, никак не продвигала их в дальнейшем понимании. Тогда Барроу отважился на следующий шаг – он расширил рамку аналитической ситуации до групповой и отказался от той модели, в которой приоритет аналитического толкования принадлежит кому-либо из ее

участников. Теперь каждый участник группы был одновременно и пациентом, и аналитиком. Анализ индивидов и всей группы осуществлялся группой, посредством свободной групповой интеракции. Только согласованное испытание достоверности (consensual validation) всеми участниками группового события, по мнению Барроу, могло служить достаточно научным критерием истины в том, что касается оценки субъективной реальности.

В дальнейшем эта экспериментальная работа подверглась институционализации, когда в 1926-м году Барроу учредил Фонд лабораторных исследований в области аналитической и социальной психиатрии Лифвинн. В рамках исследований проводились сессии в группах по 8-10, а временами по 15-20 человек, основанные на принципах конфиденциальности и свободной вербальной интеракции участников. Эти сессии имели не только терапевтическое значение, но и дали обширный материал для более глубокого понимания человека в его социальном аспекте, выявления социальных истоков невроза, разработки Трайгентом Барроу теоретической и методологической базы группового анализа, который он считал необходимым дополнением и развитием психоанализа Фрейда.

В понятие «групповой анализ» Барроу вкладывал нечто большее, чем форма групповой психотерапии.

«Я хотел бы специально оговорить с самого начала, что метод группового анализа назван так не потому, что процедура осуществляется группами людей. Это обстоятельство совершенно необязательно и вторично. Групповой означает интегральную или инклюзивную характеристику лабораторного метода в том, как он соотносит функцию индивидуального организма с сообществом или с видом в целом... Значение «групповой» в смысле коллектива следует отличать от «групповой» в его интегральном или инклюзивном смысле. Первое применимо к раздражительным автоматизмам нашей вторичной, психологической адаптации, второе – к спонтанным, физиологическим реакциям целостного организма, которые составляют основу человеческой сознательной, креативной индивидуальности» (Барроу, 1930).

Подвергнув основательной критике индивидуалистические основы психоанализа и придя к релятивистской концепции сознания, в которой понятия психоаналитической нейтральности и психоаналитика как «зеркала» в их ортодоксальном значении теряли всякий смысл, Барроу больше не возвращался к психоаналитической процедуре в том виде, в каком она была принята фрейдистскими психоаналитиками в первой половине XX века. Фундаментальным принципом групп-аналитической перспективы стали взаимоотношения. Этот принцип относился как к социальной концепции человека вообще, так и к психопатологии, с соответствующими следствиями для психотерапевтической практики, не только в групповом, но и в диадическом сеттинге.

«В своей индивидуальной практике я не прекращаю придерживаться группового принципа анализа только по той причине, что передо мной находится всего один анализанд» (Барроу, 1928).

Таким образом, Барроу более чем на четверть века опередил сдвиг, который произошел в психоанализе от классической концепции драйвов к теории объектных отношений и к реляционным концепциям переноса и сопротивления. В настоящее время

«психоанализ медленно движется в том направлении, где он и должен находиться – т.е., в направлении группового анализа... посредством реляционной психологии и сэлф-психологии он движется в этом направлении» (Пайнс, 2011).

Целостный подход к человеку, с учетом его биологического, психологического и социального измерения привел Барроу к критическому переосмыслению «святая святых» психоанализа Фрейда, а именно – сексуального влечения как движущей силы формирования психики вообще и невроза в частности. Не отрицая значения сексуального драйва в формировании невроза, Барроу считал вытеснение сексуальности вторичным, в то время как сама

сексуальность, по его мнению, является следствием первичного вытеснения.

«Вытеснение сексуальности, значение которого в развитии индивидуального невроза справедливо подчеркнул Фрейд, является, как я убежден, вторичным по отношению к более общему императиву – запрету, который налагается на социетальный инстинкт человека. Патологический эффект этого произвольного социального императива в подавлении естественного человеческого социетального инстинкта можно наблюдать в социальных институтах повсеместно. Групповой анализ утверждает, что корреляция между распространением социального вытеснения и общесоциальным ростом психических нарушений определенно указывает на каузальные взаимоотношения» (Барроу, 1928).

Здесь Барроу вводит понятие социетального инстинкта, которое находится уже в прямом противоречии с классической теорией драйвов. Отправной точкой для рассуждений Барроу была концепция так называемой «первичной матрицы сознания», разработанная им еще в период его сугубо психоаналитической деятельности.

По Фрейду, психический аппарат младенца, появившегося на свет, представляет собой *tabula rasa*. Он формируется начиная с момента рождения путем интернализации опыта фрустрации влечений, обусловленных биологией организма, которые стремятся к разрядке и не находят во внеутробном существовании немедленного удовлетворения. В ходе этого процесса образуется психическая структура, которая сдерживает влечения, отсрочивает разрядку, находит компромиссные пути удовлетворения части влечений в соответствии с принципом реальности, а часть влечений подвергает полному вытеснению в бессознательное. Неудача вытеснения обнаруживает себя в виде невротической симптоматики. В этой модели организм новорожденного находится в изначально антагонистических отношениях с окружающим. Он стремится только к разрядке напряжения и возвращению в «психическое небытие». Тяга к объектам

появляется вторично и гораздо позднее, когда растущее осознание начинает соотносить удовольствие от разрядки напряжения с той помощью, которая приходит извне.

С точки зрения Барроу, органическая ментальная жизнь присутствует внутриутробно, находясь в так называемой предсознательной фазе, в форме первичной матрицы сознания. То есть, изначальный и базовый психический опыт человека – не антагонизм, но переживание единства, гармонии, стабильного равновесия и непрерывности с другим организмом (т.е., в случае плода – с материнским). Следующий за рождением опыт вынужденной адаптации к внешнему миру, который образует ядра взрослого социального сознания, осаждаются в уже сформированную первичную матрицу. Эта вторая, сознательная, или опытная фаза характеризуется разъединенностью, фрустрацией потребностей и необходимостью приспособления путем проб и ошибок. Однако, первичный опыт остается фундаментом психической жизни, обуславливая органическую тягу к интеграции с себе подобными, переживанию общности, единства и гармонии с представителями своего биологического вида. По мнению Барроу, не индивидуалистическая конкурентоспособность отдельной особи, но именно эта тенденция к внутривидовому единству, сильная в *Homo sapiens*, стала залогом выживания человека в эволюционной борьбе.

Оба способа функционирования остаются интактными в человеке на протяжении всей жизни. Работа, мысль, реальность, усилия к объективации реальности соотносятся с сознательной фазой. Любовь, чувство, воображение, переживание собственной аутентичности характеризуются возвратом к первичной, органической, предсознательной фазе. Здоровье индивида, таким образом, определяется балансом между этими двумя началами. В зависимости от способа поддержания баланса, среди людей, по мнению Барроу, можно различить ремесленников и художников. Ремесленник разделяет работу и любовь, превращая часть своей жизни в безрадостную рутинную повинность, и отводя другую для возможности ощутить гармонию и полноту. Художник же творчески интегрирует оба начала, наполняя свою работу чувством и воображением.

Сложность адаптации, как полагает Барроу, заключается в том, что человек вынужден приспособливаться не столько к реальности мира и людей, которые его окружают, сколько к субъективной реальности социума. Здесь Барроу вводит понятие социального бессознательного, указывая на то, что способность человека к символизации и поглощенность собственной значимостью сыграли с человечеством дурную шутку. За многие тысячелетия цивилизационного процесса мы утратили способность к восприятию реальности, вместо которой созерцаем лишь отражения собственных проекций. Социальное бессознательное наполнено мириадами социальных имаго, которые, являясь произвольными и необязательными, переживаются как некая абсолютная данность. Мы тратим жизнь в погоне за личным удовлетворением социальных имаго успеха, богатства, власти и т.п. подменяя ими деятельность человечества в его согласованном функциональном единстве. Мы теряем связь с собственной творческой аутентичностью, подменяя ее ложной самостью, которую Барроу назвал Я-персона, и заботясь о том, чтобы наше отражение в социальных зеркалах находилось в соответствии с общепринятым на данный момент. В этой динамике вступают в силу трансперсональные и трансгенерационные процессы, посредством которых социальные имаго транслируются от индивида к индивиду, от поколения к поколению, приводя к социальному сговору универсального масштаба. Социальные имаго изначально отражаются в родителях, которые бессознательно индуцируют в ребенке искаженные модели отношений, которые они, в свою очередь, испытали во взаимодействии со своим прежним и нынешним семейным и социальным окружением.

Социальное бессознательное, по определению, является источником разъединенности и конфликта. Оно наполнено фиксированными антиномиями добра и зла, успеха и неудачи, богатства и бедности, надежды и отчаяния, нормальности и ненормальности, которые, будучи произвольно ассоциированы с тем или другим социальным имаго, например черной или белой расой, протестантской или католической верой, республиканской или демократической партией, фрейдистской или

антифрейдистской психологией становятся причиной предубеждений, ненависти и вражды.

Далее, Барроу вводит понятие социального невроза, утверждая, что

«общество также истерично. Общество имеет развитую систему защитных механизмов, собственные избегания и замещения. Отличие заключается в том, что фальшивки на уровне социума обладают преимуществом повсеместного обращения, так что история их недостатков приписывается скорее обычаю, чем патологии» (Барроу, 1914).

В свете этого утверждения понятие психической нормальности приобретает совершенно другой смысл, отличный от психического здоровья.

«годами целью моих аналитических усилий было достижение состояния психики, ошибочно, хотя и повсеместно именуемого нормальностью – усредненного социального реагирования искусственно кондиционированного вида» (Барроу, 1950).

В самом деле, едва ли можно с чистой совестью назвать нормальным человека, который сумел благополучно адаптироваться в социуме, каким его рисует, например, А.П. Чехов в «Палате №6». Заштатный уездный городок погряз в ханжестве, невежестве и пошлости. Доктор, заведующий городской больницей, способный и образованный человек, наблюдает повсеместно удручающие его воровство, взяточничество и круговую поруку. Его усилия к тому, чтобы внести перемены, слишком слабы и терпят неудачу. Его попытки апеллировать к вышестоящим инстанциям поглощает инерция системы, которая поддерживает существующее положение дел. Ему ничего не остается другого, как забросить свои врачебные обязанности и тихо спиваться в своей служебной квартире, благо, система встречает его безделье и халатность гораздо радушнее, чем его инициативу. Он находит утешение в фаталистических рассуждениях о том, что

«если физическую и нравственную нечистоту прогнать с одного места, то она перейдет на другое; надо ждать, когда она сама выветрится». Другой отдушиной для доктора становится посещение больничного флигеля, где содержатся умалишенные. Там заперт с другими больными, без всякой надежды на освобождение, местный обнищавший чиновник, который некогда заболел манией преследования. В нем доктор находит единственного во всем городе честного, здравомыслящего человека и интересного собеседника. Однако, частое посещение доктором флигеля настораживает городскую общественность. При содействии второго врача, который втайне позарился на служебную квартиру и оклад заведующего, доктора единодушно признают сумасшедшим, обманом заманивают его во флигель и закрывают там навечно. Теперь протест доктора становится явным, осмысленным, но тщетным. Удар в грудь, полученный им от больничного сторожа при попытке выйти на свободу, в один миг открывает доктору всю жестокость и несправедливость мира, который его окружает, так же, как и всю ошибочность своего самоуспокоения. Но уже слишком поздно – жизнь прожита и силы растрачены впустую. В первый же вечер своего заточения доктор умирает от инсульта.

Невротик, в представлении Барроу, с его воображением, сверхсенситивностью и сверхаффективностью находится в большем контакте с органической ментальной жизнью и присущим ей единством с органическим нравственным законом, который нередко расходится чрезвычайно с устоями лживой и двуличной конвенциональной морали. Невротик – по сути своей художник, который в своем взаимодействии с миром оказался неспособным выразить собственную субъективность, вместо этого восприняв неаутентичные, отчужденные модели взаимоотношений – источник неблагополучия и болезни. Он подавлен и невротичен оттого, что витальная истина в нем шокирована и возмущена ложью и несоответствиями фальшивых социальных установлений. Невроз – есть «протест природы против искусственного подавления цивилизацией органической истины».

На мой взгляд, именно эти утверждения Барроу послужили причиной того, что его работа была встречена не осуждением и критикой, а заговором молчания. Подобно персонажу чеховской повести он оказался заперт в палате для умалишенных и забыт всем миром. Ведь Барроу не только обосновал абсурдность психоаналитических претензий на «лечение» индивидуального невроза с позиций условной социальной нормы, не только показал, что оба, и пациент и аналитик, равным образом обусловлены социальным бессознательным, предвзяты и невротичны, и не только убедительно продемонстрировал, что истинное понимание в процессе анализа и целебное действие аналитической процедуры невозможны без учета социального аспекта ее участников и опыта взаимоотношений между ними – Барроу также указал на то, индивидуальный невроз не есть самостоятельное зло, на которое следует направлять основные усилия. Индивидуальный невроз – лишь симптом, своего рода диатез на теле человечества. Он обнаруживается в тех индивидах, которые на самом деле ближе к аутентичности, органической истине и витальной нравственности. Социум отошел слишком далеко от органического закона, индуцируя в людях из поколения в поколение все более искаженные и уродливые формы замещений, усугубляя между людьми отчуждение и конфликт. Люди же склонны поддерживать эту тенденцию, поскольку

«индивид, при всей своей подчиненности социальной системе, которая его окружает, в то же время является интегральной и неизбежно привносящей частью того же бессознательного социального организма. В одно и то же время индивид является и жертвой, и агрессором. Он одновременно и пострадавший, и обидчик» (Барроу, 1926).

Психоанализ важен в первую очередь не как инструмент лечения невроза, а как инструмент постижения аутентичности человека и естественной, биологически обусловленной солидарности между людьми. Мы должны использовать его для того, чтобы заново открыть то, что мы давно утратили и изменить

мир в соответствии с витальным нравственным законом, а не продолжать жить вопреки ему.

«Нет большой нужды заботиться о том, какие стандарты конвенциональной морали должны быть для общества, как о том, чтобы указывать на стандарты органической нравственности, которые уже существуют в эволюции сознательных социальных существ» (Барроу, 1913).

Литература.

- 1. "From psychoanalysis to group Analysis. The pioneering work of Trigant Burrow". Edited and with introductory essay by Edi Gatti Pertegato and Giorgio Orghe Pertegato. 2013.*
- 2. «Жизнь и творения Зигмунда Фрейда». Эрнест Джонс.*
- 3. «Палата №6». А.П. Чехов.*